Курама больше не спит, не в силах избавиться от многолетней привычки к постоянному бодрствованию и частому движению. После жертвоприношения Кюуби-Курамы ему достаточно трех часов, а в трудной ситуации он может обойтись и меньшим. Это идеальный вариант для войны, особенно для партизанской тактики в тылу врага, и это было одним из немногих преимуществ Курамы перед Мадарой.

Но здесь, в мирное время, в деревне, которая ничего не знает о грядущих опасностях, ночи, кажется, тянутся вечно. Слишком много часов, проведенных в неподвижности и беспокойстве, ноющих от заточения, несмотря на благодарность за него днем, и впервые Курама жалеет, что не может спать так, как Наруто в другом конце коридора. Разговор с Обито занимает так много времени, и Учиха начинает раздражаться, если Курама постоянно прерывает его размышления.

Поэтому Курама оставляет Обито заниматься своими интригами, а сам ложится в постель в гнетущей тишине и пускается в размышления. Как всегда, неизбежно, они обращаются к его прошлому, к будущему этого мира, и Курама закрывает глаза при виде потолка своей спальни. Это не совсем сон, не совсем воспоминание, но перед глазами встают образы той ночи, когда все так сильно изменилось, когда надежда и отчаяние шли рука об руку.

Он чувствует запах огня, холодный камень под голой спиной, тяжелые кандалы на запястьях и лодыжках. На металле вырезаны печати, знакомые и ненавистные, и ни одна крупица чакры не может вырваться за пределы его кожи. Он борется, разрывая плоть, но не может заставить себя заботиться об этом, потому что Мадара в соседней комнате, и Кьюуби пугающе тих в его голове, а Наруто никогда не был тем, кто теряет надежду до самого последнего момента, если даже и тогда, но его друзья либо мертвы, либо сражаются на далеких фронтах, и никто не может спасти его. Не успеет. Даже близко.

Курама всколыхнулся внутри него, багровый мех стал похож на свежую кровь, когда он поднял голову, чтобы посмотреть на белокурого мальчика, задыхающегося перед его клеткой. Рубиновые глаза прищурены, опасны, но Наруто перестал бояться Курамы много лет назад.

"Отродье", - мягко произносит демон-лис. "Мадара собирается вырвать из нас чакру, и на этот раз он заберет ее у нас обоих, и даже ты не сможешь выжить".

Наруто оскалил зубы, даже вытирая кровь с глаз и стараясь не покачнуться. "Нет! Я не позволю ему...!"

"Ты не сможешь его остановить". Курама поднимается на ноги, огромный и прекрасный в предательском, опасном смысле. "Эту битву ты не сможешь выиграть, какой бы сильной ни была твоя сила воли или вера".

"Ну, я не собираюсь сдаваться", - прорычал Наруто в ответ. "Мадара пытается заполучить твою чакру с самого начала, и если мы сдадимся и отдадим ее ему, он использует ее, чтобы..."

"Не ты, сопляк, и не мы. Я. Я буду тем, кто остановит его в этот раз". Курама долго смотрел на

него сверху вниз, а затем издал огненный вздох. "Ты - хлопотливый маленький смертный, ты знаешь это? Ненавидеть все мои контейнеры было гораздо проще".

Дрожь предчувствия пронеслась по позвоночнику Наруто, как капля ледяной воды, и он выпрямился, резко сузив глаза. "Курама, что бы ты ни думал сделать, не делай этого. Сейчас не время для глупых жертв".

"Если не сейчас, то когда?" откровенно спросил Курама. "Сколько осталось тех, кто выстоял? Что осталось от Конохи, кроме горстки отчаявшихся шиноби и нескольких разрушающихся руин? Кто может прийти к нам на помощь и добиться успеха? Только у твоего Учихи есть хоть малейший шанс сделать это, а он уже прошел всю Страну Огня и большую часть Страны Ветра. Признай, что мы остались одни, и у тебя нет никаких шансов что-то сделать".

"Но...!"

Девять хвостов гневно взмахнули руками, и Курама присел, предостерегающе уставившись на джинчуурики огромным глазом. "Нет", - рычит он. "У тебя есть только один шанс. Мое время в любом случае закончится, и я предпочту, чтобы это произошло во имя твоего спасения, а не для того, чтобы снова стать пешкой Мадары".

Наруто рычит, подражая своему жильцу с поразительной точностью. "Нет!" - снова кричит он. "Нет, ублюдок, я уже потерял слишком много друзей из-за этого засранца. Я не потеряю еще одного!"

Наступает долгая минута молчания, и когда Курама снова заговорил, его голос смягчился, в нем появилось нечто, близкое к сочувствию. "Ты первый, кто отнесся ко мне как к другу, Наруто, и именно поэтому я готов это сделать. Пожалуйста, еще раз позволь мне помочь тебе. Позволь мне сделать тебе подарок в обмен на все, что ты дал мне за последние несколько лет".

"Ты глупая лиса! Дружба так не работает!"

Рычание Кюуби в тысячу раз превосходит все, что может вырваться из горла человека. "Думаешь, я этого не знаю, сопляк? Хоть раз в жизни перестань спорить. Прими это. Я не предлагаю это легкомысленно, но это бремя, которое ты, как никто другой, сможешь выдержать. И поторопитесь. У нас не так много времени, прежде чем Мадара закончит подготовку к своему проклятому ритуалу".

С бессловесным криком горя и ярости Наруто запустил пальцы в свои светлые волосы, запутался в прядях до плеч и с бессильной яростью рванул их на себя. Светящиеся красные глаза смотрят на него, неподвижные и непоколебимые, но не лишенные сочувствия.

"Если не ради меня, - тихо говорит Курама, со всей безжалостной точностью лучшего убийцы, - то ради него. Твоего Учихи. Разве не жестоко оставлять его вот так?"

Наруто закрывает глаза, не в силах побороть слабость в своем сердце, которая заставляет его сказать "да" только ради Сасукэ, и будь прокляты последствия. Но кроме этого, он знает, что Курама прав. Знает, что это единственный выход, когда нет никакой надежды освободиться и нет шансов на спасение, когда никто даже не знает, что он ушел. У Мадары есть он, есть Курама, и это последний шаг к его победе.

Если Мадара победит, победит Кьюуби, все будет напрасно. Все смерти, все разрушения станут бессмысленными.

Наруто не может этого допустить, чего бы ему это ни стоило.

"Ладно", - шепчет он и ненавидит себя за это. "Ладно. Сделай это."

Атом за атомом, крошечный кусочек за крошечным кусочком, мир начинает исчезать в белом сиянии. Курама не сводит глаз с Наруто, даже когда его собственная форма начинает исчезать, как рассыпавшиеся звезды, как светлячки в лунном свете. "Ты справишься, малыш", - хрипло говорит Курама, которого уже больше чем наполовину нет в живых, но, несмотря на то, что он переживает, он не дергается. "Даже если бы ты умер в этот момент и мог позволить моему телу рассеяться... я все равно думаю, что мне нравится этот вариант".

"Ты отдаешь мне все", - вздыхает Наруто, и ему хочется отвести взгляд от нее, от этой прекрасной, постепенной смерти, но он не позволяет себе этого. Он продолжает смотреть, и потому видит последнюю, слабую лисью ухмылку Курамы, когда тень достигает его головы.

"Разве не так поступают друзья?" спрашивает Курама, тепло, ласково и смеясь, а затем даже эхо исчезает. Остались только свет и белизна, сияющее пространство абсолютного ничто.

Наруто проводит руками по волосам, стараясь не дрожать, и красный цвет цепляется за его пальцы, как блуждающие нити малинового шелка, такого же гранатового, как мех Курамы. Он закрывает глаза, стискивая зубы, когда его охватывает прилив обжигающего тепла, а затем открывает их. Над ним нависает крыша пещеры, которую использовал Мадара, и Курама, собрав в кулак всю свою бушующую чакру, больше не являющуюся человеческой, приподнимается.

Оковы разрываются, и он бежит, рыжие волосы развеваются за спиной, его шаги слишком быстры для любого человека, даже для сына Желтой вспышки.

Он бежит, бежит и бежит, все быстрее и быстрее, но не может обогнать ни изменения, ни ноющую пустоту внутри себя.

Курама ушел, и остался только Наруто.

http://tl.rulate.ru/book/100817/3458543